

А. А. САУТКИН

кандидат философских наук, доцент

Мурманский государственный гуманитарный университет

ПАН И НАРЦИСС: К ИСТОРИИ ОДНОЙ МЕТАМОРФОЗЫ

В статье рассматривается взаимосвязь мифологических образов Пана и Нарцисса. В отсутствие единого сюжета, объединяющего эти фигуры, можно говорить об опосредствованной связи через образ нимфы Эхо. Образ Нарцисса рассматривается в широком культурном контексте, однако акцент делается на том, что история Нарцисса может интерпретироваться как инициация. Символическая метаморфоза, переживаемая Нарциссом, является зеркальным отражением сюжетов, связанных с Паном и Эхо. Отмечается, что Нарцисс как фигура аполлонического типа в ходе инициации приобщается к дионисийскому самоупраждению, саморассеиванию.

Ключевые слова: Пан, Нарцисс, дионисийство, метаморфоза, инициация.

A. A. SAUTKIN

PhD, Associate Professor, Murmansk State Humanities University

PAN AND NARCISSUS: TOWARDS THE METAMORPHOSIS CASE

The article considers the relationship of mythological images of Pan and Narcissus. In the absence of the unified plot combining these figures, one can talk about their mediated communication through the image of the nymph Echo. The image of Narcissus is seen in a broad cultural context, however, the emphasis is laid on the fact that the story of Narcissus can be interpreted as initiation. The symbolic metamorphosis experienced by Narcissus is the mirror image of plots related to Pan and Echo. It is noted that Narcissus as an Apollonian type figure joins the Dionysian self-rejecting during his initiation.

Key words: Pan, Narcissus, Dionysism, metamorphosis, initiation.

Всё

всё

всё

вздыбливающий будоражащий

под чьими копытами земля в пароксизме похоти

корни листья трава
зелень цветенье всё
 изливается криком
 ярко пронизывающе
Тень
 глубины дубрав заповеданных
Покров тайна предел
Двое Она ожидание отдых
 Он хула утомлению
льёт влагу в глотку чтобы потом
 огонь излить из себя
Её спокойствие пашня
 и плуг уже снова в работе
Полдень вечер и ночь
Пригоршня маковых зёрен

* * *

Пруд
отражается в нём
 усталое хилое тельце Нарцисса
Он смотрит и если б усталость его
 не клонила ко сну
он желал бы себя
 своего двойника ли
 в непрерывный экстаз погрузить
Как погружается его взгляд
 в эту тихую тёмную воду
Всё глубже

* * *

Все ручьи отдают свою силу пруду
без возврата
Вода недвижима

Этот стихотворный текст послужил для меня поводом и стимулом поставить ряд вопросов (контекстуального свойства) о связи образов Пана и Нарцисса, почему-то соединившихся в воображении автора.

Связь этих образов представляется мне не вполне очевидной и требующей разгадки.

Мечь Пана

Пан увязан с Дионисом. Будучи самостоятельным божеством, он, тем не менее, часть Дионисовой свиты. И именно Дионис более других радовался при первом явлении Пана в сонме богов-олимпийцев, как о том повествует гомеровский гимн к Пану [1, с. 125].

Первая часть данного стихотворения повествует, конечно же, о Пане, о дионисийской полноте, источаемой и расточаемой в цветении и в излиянии семени, о Двух, соединяемых силою Эроса, — и кто эти двое: сам ли Пан и некая нимфа или же воспроизводящие их оргиастическое буйство смертные, — это неважно, ибо Пан пронизывает и объемлет собою ВСЁ. Тут же приходит на ум гимн Пану, сочинённый Алистером Кроули (как утверждают, во время его пребывания в России): он прекрасен и напряжён, будто струна/тетива и весь проникнут этой вибрацией предвестия, предоргазмической спазмой единения с Божеством — Единым-Всем. Герой кроулианского заклинания готовит себя в жертву, готовый брат и отдавать, готовый терзать и быть растерзанным:

I am borne
To death on the horn
Of the Unicorn [13].

Дионисийская жертва есть со-жертвенность: адепт уподоблен разрываемому на части Божеству, он растрчивает себя, разметая в клочья свою псевдо-целостность, преодолевая индивидуацию в причастии к общей доле быть поглощенным силами Хаоса и возродиться.

Нарцисс, каким он предстает, скажем, в Овидиевых «Метаморфозах» (книга третья), есть фигура, совершенно чуждая дионисийско-паническому трепету.

Юноши часто его и девушки часто желали.
Гордость большая была, однако, под внешностью нежной, —
Юноши вовсе его не касались и девушки вовсе [8, с. 90].

Соответственно, гибель Нарцисса предстает как возмездие, воздаяние юноше, отвергнувшему вслед за любовью мужей страстные призывы

нимф, «водой и горами рожденных». Немезида услышала вопли и проклятия всех отвергнутых, в чьем хоре был и голос злосчастной нимфы Эхо, и способствовала тому, чтобы сбылось предсказание Тиресия, предрекшего, что долгие годы суждено прожить Нарциссу, но лишь если он не распознает самого себя.

Эхо и есть связующее звено меж Паном и Нарциссом, ибо, по разным версиям мифа, Эхо — это возлюбленная Пана, преследуемая им жертва или даже его дочь. Автор великолепного исследования о культе Пана Филипп Борго пишет, что в эллинистический период истории о Панае явились в большом количестве (в отличие от авторов классической эпохи (5–4 вв. до н. э.)), и, среди прочего, отмечает «рассказанные во всех деталях истории о его любовных проделках с Эхо» [12, р. 55] (а также Сирингой, Питис, Селеной).

Наказание Нарцисса состоит в неутолимом желании — причем желании плотском, отнюдь не переводимом в иные регистры. Погружая руки в воды потаённого в лесной глуши ручья, он стремится схватить то, что не просто не имеет плоти, но и не обладает самостоятельным существованием, — своё отражение. Его муки — в том, что невозможно слияние с объектом страсти, коль скоро этот объект — он сам.

Водою Нарцисс был порожден (он сын речного божества Кефиса и нимфы Лириопы), вода же принесла ему погибель: сначала он не опознает себя в своём отражении, впоследствии это становится ему понятно, однако осознание ничего не может изменить. Он уже в ловушке. В ловушке собственного взгляда, если вспомнить интерпретацию этого сюжета в книге Паскаля Киньяра «Секс и страх»: «Древние полагали, что Нарцисса убила не любовь к своему образу в воде — его убил зачаровывающий взгляд» [4, с. 178]. Нарцисс подобен Медузе, как если бы она могла уничтожить саму себя собственным взглядом, отразившимся в зеркале.

Эхо была таким же отражением Нарцисса — только звуковым, но звук её голоса не зачаровал его, как, например, зачаровывало всё живое пение Орфея. Мечь отвергнутых свершается через его зримое отражение в ручье, томящее и ускользающее, и, конечном счете, это — мечь Пана как дионисийского персонажа, хотя непосредственной её вершительницей у Овидия названа Немесида (Рамнузия).

Инициация: Нарцисс Преображенный vs. Нарцисс Кататонический

Своеобразным контрапунктом к рассматриваемому стихотворению является картина Сальвадора Дали «Метаморфозы Нарцисса» (вместе с поэмой о Нарциссе, которую Дали рассматривал как неотъемлемый элемент данного произведения — поэтический комментарий к изображению). В тексте анализируемого стихотворения отсутствует именно то, что венчает финал истории о Нарциссе и у Овидия, и у Дали, — *метаморфоза*.

Апофеозом Таинства в поэме Дали становится момент, когда голова Нарцисса взрывается, разлетается на множество кусков, рождая цветок. Разрушение, гниение, распад суть символы постоянных изменений, перерождений, столь характерные для сюрреалистической эстетики, — они знаменуют нечто продуктивное. (Связь картины и поэмы Дали с алхимической символикой трансмутации убедительно выявлена в статье Milly Heyd «Dali's Metamorphosis of Narcissus Reconsidered» [15]). В рассматриваемом же тексте есть лишь застылость одного движения, словно в крайне замедленной съемке, так что оно уже почти перестает быть движением. Это мертвенное оцепенение Нарцисса и есть невозможность метаморфозы, слияние жизни со смертью, бессилие и усталость «чахлого тельца».

У Назона зеркало вод открывает Нарциссу некую тайну, узрев которую, он не может остаться в живых, как не мог остаться в живых (и — в прежнем облике) Актеон, коему открылась нагота Артемиды. Нарцисс познает желание, Нарцисс познает невозможность его осуществления, Нарцисс убивает себя, проливает свою кровь, как гласят строки оксиринхского папируса (Р. Оху. LXIX 4711). Исследователи в связи с этим пишут, что «в свете новых данных представляется, что Овидий, возможно, был первым, кто дал мифу (о Нарциссе. — А. С.) его нынешнюю, всем знакомую форму» [16]. Если следовать тексту Овидия, тело его исчезает, но метаморфоза всё равно происходит.

Структура этого сюжета явно имеет инициатический характер. Как писал Мирча Элиаде, «везде, где мы находим символику смерти как основу всего духовного рождения, речь идет о перерождении. Во всех этих контекстах смерть означает превосхождение профанного, неосвященного состояния... Мистерия инициации постепенно раскрывает неопиту истинное измерение существования» [14, р. 200].

Метаморфоза Нарцисса может быть понята как инициация, которая есть нисхождение в Первичные Воды, мистический инцест. Нарцисс

охвачен вождением к плотскому образу, но видимое им бестелесно, оно — лишь обманчивая игра водной стихии, чей традиционный символизм здесь очевиден: что суть эти Воды, как не Изначальное Материнское Лоно, нисхождение в которое знаменует распад форм, растворение границ и сладостную гибель? Рожденный от союза водных божеств, аполлонически замкнутый в пределах прекрасной телесной формы, горделивый Нарцисс уничтожает эту отъединенность и целостность своей индивидуальной явленности — через жертвоприношение (описанный в упомянутом выше Оксиринхском папирусе удар ножом в собственную грудь и есть это жертвенное действие, разрывающее оболочку телесности; впрочем, и Овидиево умолчание не менее красноречиво, ибо указывает на тайну — тайну Метаморфозы).

Александр Дугин, комментируя известный фрагмент из «Рождения трагедии» Ницше, где говорится, что зов Диониса разбивает оковы индивидуации, замечает: «То, что обнаруживает Дионис в контрасте с Аполлоном, о чем визжит флейта сатира, — это Великая Мать» [2, с. 489]. Именно к ней, Матери-Воды, ведёт Нарцисса Немесида, внявшая проклятиям всех отвергнутых гордым юношей. Помним, что в числе оных была и возлюбленная Пана. И как исполняется мщение и что оно есть — не обращенье ль к Дионисовой страсти, коей прежде юноша пренебрегал?

Узрев себя в зеркале Матери-Воды, Нарцисс возвращается к себе в некотором *первоначальном* смысле, ведь *первоначально* он и есть эти Воды, он есть частица своей (но, вместе с тем, и всеобщей) Матери. Движение его руки, сжимающей жертвенный нож, выражает именно этот эротический порыв — прорваться к тому, что находится за призрачной поверхностью прекрасной формы, коль скоро плотское соединение с этим образом невозможно. Изнуряемый плотской страстью Нарцисс видит лишь себя в зеркале Вод, не опознавая сами Воды, он захвачен силою Матери, но сама она остается скрытой — до того момента, пока не разрушится телесная оболочка.

Призрачный образ, ускользающий от объятий обезумевшего влюбленного, являет нам всю тщету плотского желания, более того — тщету материальности как таковой. Одержимый вполне плотской страстью, Нарцисс постепенно «истаивает» телесно, избывая в дионисийской муке свою материальность, освобождаясь от оков тела. Охваченный страстью, он видит только себя, но это «себя» — морок, явленный в зеркале Матери Вод, и именно туда, в Бездну, лежит его путь, путь нисхождения. Мать примет его в своё лоно, завершив работу растворения.

Обращает на себя внимание сокрытость, потаенность того источника, из которого решил испить утомленный охотой и зноем Нарцисс и к которому оказался прикован до самого последнего мига — мига Метаморфозы. Эта деталь подчеркивает мистериально-инициатический характер сюжета.

Нарцисс из стихотворения лишен способности к Метаморфозе, ибо это персонаж из пыльного мира Элиотовых «полых людей» (*hollow men*), обитатель «кактусовой страны», боящийся встретить взгляд Беатричевых глаз. Это Нарцисс, не прошедший инициацию, и перед ним — не легкий прозрачный ручей, струящий свои воды в лесной глуши, а неподвижный пруд, забирающий силу всех ручьев и всех взглядов.

Это нижние *мэонические* пределы мира, абсолютный низ универсума, стоячие воды первоматерии. Этот пруд есть Великая Мать в её самом ужасающем аспекте. Александр Дугин очень точно обозначает этот аспект в нижеследующих строках: «Интуиция Матери — это мир, где Бог отсутствует, и это отсутствие нагнетается до такой степени, что возводит материальность в высший принцип, экзальтирует ее небытие и ничтожность до статуса онтологического абсолюта, а растворяющий телесность божественный Логос выносится радикально за пределы зоны ее матриархального бытия» [2, с. 501].

Именно в эти нижние миры погружался бессильный Нарцисс из стихотворения — ближайшая родня Элиотовых «полых людей» — без надежды на преобразование.

Пан — Эхо — Нарцисс: отражающиеся сюжеты и зеркало Диониса

«Усталый и чахлый» Нарцисс явно олицетворяет эпоху, наступившую вслед за «смертью Великого Пана»; Нарцисс лишён той витальной мощи, которую несёт в себе Пан, предающийся любовной игре с некоей непоименованной нимфой. Кто как не Пан воплощает в себе это буйство плоти и опьяненность материальным? (Ср. со стихотворением Я. Голосовкера «Пан и Эхо» [11]).

Однако исследование собственно мифологических сюжетов выявляет такую характеристику Пана, как «неудачливость в любви», что вполне объяснимо: «паническая» страсть носит необузданно-животный характер, она чужда всем цивилизованным формам сексуальности и уж тем более — матримониальным формам. Ф. Борго пишет, что

«паническая любовь есть нечто насильственное, это внезапное и непредвиденное нападение» [12, р. 76]. «Неудачи» Пана в любви отчетливо проявляются в сюжетах, связанных с нимфами Питис, Сирингой и Эхо. Эта последняя нас и интересует более всего.

Борго указывает, что «легенда об Эхо существует во многих вариантах. Все они подчеркивают тщетность панического желания, которое преследует недоступный объект» [12, р. 79]. Пан влюблен в Эхо, которая влюблена в Нарцисса или в Сатира, либо же предпочитает блюсти своё девство (см., напр., стихотворение Мосха [9, с. 167]). У Лонга в третьей книге «Дафниса и Хлои» Дафнис излагает сюжет о любви Пана к Эхо несколько иначе: нимфа избегала мужчин, ибо возлюбила девичью жизнь; Пан же, томясь от любви, ввергает в безумие пастухов, натравливая их на Эхо: «Как злые собаки иль волки, они ее растерзали и члены тела ее — а все еще пело оно — по всей разметали земле. Но песни ее нимфам в угоду скрыла земля в лоне своем и напев сохранила» [6, с. 210].

Мы обнаруживаем, что история Нарцисса есть отражение истории любви Пана и Эхо: ведь та же «тщетная страсть к недоступному объекту» владеет и Эхо, а завершается эта цепь любовной безнадежности в Нарциссе, чей объект вожделения предельно недоступен. Бестрепетному прежде Нарциссу суждено быть сраженным страстью и познать всю горечь любовных мук, пока не разрешатся они жертвоприношением. Удивительным образом история любви Нарцисса к своему отражению и любовь Пана к Эхо вновь отзываются друг в друге, ведь гибель Эхо, в изложении Лонга, выглядит таким же жертвоприношением, на что обращает внимание Ф. Борго: гнев Пана, обрушившийся на девушку, «поразительно напоминает ритуальное убийство, подобное *Dionysiac Aiasparagmos* (“разрывание на части”). ...Безнадежное желание, гнев, убийство и метаморфоза: они следуют друг за другом также в истории Питис и повторяются в истории Сиринги» [12, р. 79]. Повторяются они и в истории Нарцисса — те же безнадежное желание, гнев, убийство и метаморфоза, причем повторяются дважды: в случае с Эхо, и в случае с самим Нарциссом.

Любовные неудачи Пана, выступающего проводником дионисийского исступления, проецируются на Нарцисса, моделируют его возвращение к Матери Вод, его *нигрето*. Аполлоническая красота разрушается её зеркальным удвоением и последующим распадом зримых форм, возвращающихся в Великое Лоно, — с тем, чтобы возродиться цветком.

За всеми этими событиями проступает фигура Диониса. Напрямую о нем не говорят ни Овидий, ни иные повествователи, но мы опозна-

ем его присутствие по многим деталям, среди которых первейшая — зеркало. Зеркало вод, ставшее ловушкой для Нарцисса, ранее (пусть и в форме рукотворного предмета) стало гибельной приманкой для Диониса, коего титаны зачаровали этой рождающей отражения игрушкой, чтобы разорвать на части его плоть (см., напр.: [7, с. 69]). Именно в зеркале рассеивается Единый Лик Диониса: это есть его ниспадение в мир изменчивой множественности и индивидуации. Вяч. Иванов писал: «Дионис есть божественное всеединство Сущего в его жертвенном разлучении и страдальном пресуществлении во вселикое, призрачно колеблющееся между возникновением и исчезновением. Ничто мира. Бога страдающего извечная жертва и восстание вечное — такова религиозная идея Дионисова оргиазма» [3, с. 28].

Панически-дионисийская парадигма преформирует сюжет о Нарциссе. Если фигура Пана (через связанную с ним Эхо) моделирует внешнюю канву событий на уровне материального мира, то фигура Диониса моделирует метафизическое измерение инициации Нарцисса. На структурное подобие истории Нарцисса и орфического предания о растерзании Диониса-Загрея титанами обращает внимание О. А. Чулков: «В дионисийской мифологии... зеркало имеет двоякую функцию: оно символизирует растворение бога в мире (пожирание Загрея титанами), и сохранение его внутреннего единства в бесконечном многообразии эманаций. Случай с Нарциссом может быть истолкован как инвертированный вариант дионисийской мифологемы» [10].

Возвращаясь к изложению истории Овидием, еще раз вспомним, что на вопрос о Нарциссе «Много ль он лет проживет и познает ли долгую старость?» прорицатель Тиресий ответил следующим образом: «*Si se non poverit*»¹. Нарцисс действительно встает на путь познания, и этот путь отмечен панически-дионисийскими вехами: желая разделить с самим собой, одержимый любовью Нарцисс выходит за пределы своей целостности и единства и, тем самым, воспроизводит Дионисово жертвенное рассеяние. Познание самого себя есть отрицание самого себя, и иным оно быть не может, ибо сущностно воспроизводит участь Диониса в его нисхождении.

¹ В переводе С. Шервинского этот ответ звучит так: «Коль сам он себя не увидит». В переводах Овидиевой поэмы на английский язык это выражение передано как «*Yes, if he is not to know himself*» (или «*recognize*» (пер. Brookes More, 1922) или «*discover*» (прозаический перевод А. S. Kline)).

Фигура Нарцисса в разных культурных контекстах наполнялась различным содержанием: образ юноши, со страстью вглядывающегося в свое отражение, эволюционировал от элементарной эмблемы себя-любия и зачарованности собственным Эго к сложному мотивному комплексу «Божественного Нарцисса», который мы обнаруживаем в герметическом «Поймандре», равно как в ряде ренессансных и барочных текстов, включая «ауто сакраментале» Хуаны Инес де ла Крус «Божественный Нарцисс» (см., напр. [5]). Я попытался представить Нарцисса как фигуру инициатического типа, которая возникает на границе двух миров, разделенных зеркальной поверхностью лесного ручья, и выражает идею Великого Преображения. В конечном счете, как говорил Борхес, всемирная история — это история различных интонаций при произнесении одной метафоры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гомеровские гимны // Античные гимны / Под ред. А. А. Тахо-Годи. М., 1988.
2. Дугин А. Г. В поисках темного Логоса. Философско-богословские очерки. М., 2013.
3. Иванов Вяч. И. Ницше и Дионис // Иванов Вяч. И. Родное и вселенское. М., 1994.
4. Киньяр П. Секс и страх. СПб., 2007.
5. Лаврова Н. Л. Мотив божественного нарциссизма в литературе барокко // Новый филологический вестник. 2010. № 2 (Т. 13).
6. Лонг. Дафнис и Хлоя // Античный роман. М., 2001.
7. Нонн Панополитанский. Деяния Диониса. СПб., 1997.
8. Публий Овидий Назон. Метаморфозы. М., 1977.
9. Феокрит. Мосх. Бион. Идиллии и эпиграммы. М., 1958.
10. Чулков О. А. «Живые зеркала». Мифология и метафизика отраженного образа // Альманах «АКАДНМЕІА». Материалы и исследования по истории платонизма. Выпуск 3. СПб., 2000.
11. Якоб Сильв. (Голосовкер Я.) Пан и Эхо // http://oloosson.com/yy/silvus.htm#_Toc48291939 (дата обращения: 18.01.2015).
12. Borgeaud Ph. The cult of Pan in Ancient Greece, transl. by Kathleen Atlass and James Redfield. Chicago; London, 1988.
13. Crowley A. Hymn to Pan // <http://allpoetry.com/poem/8517391-Hymn-to-Pan-by-Aleister--Crowley> (дата обращения: 20.01.2015).
14. Eliade M. Myths, Dreams and Mysteries. New York, 1960.
15. Heyd M. Dali's Metamorphosis of Narcissus Reconsidered // *Artibus et Historiae*. 1984. Vol. 5. No. 10. P. 121–131. DOI: 10.2307/1483197.
16. New light on the Narcissus myth: P. Oxy. LXIX 4711 // <http://www.papyrology.ox.ac.uk/POxy/papyri/4711.html> (дата обращения: 15.01.2015).

TRANSLIT

1. Gomerovskie gimny // Antichnye gimny / Pod red. A. A. Taho-Godi. M., 1988.
2. *Dugin A. G.* V poiskah temnogo Logosa. Filosofsko-bogoslovskie ocherki. M., 2013.
3. *Ivanov Vyach. I.* Nietzsche i Dionis // Ivanov Vyach. I. Rodnoe i vselenskoe. M., 1994.
4. *Kinyar P.* Seks i strah. SPb., 2007.
5. *Lavrova N. L.* Motiv bozhestvennogo narcissizma v literature barokko // Novyj filologicheskij vestnik. 2010. № 2 (T. 13).
6. *Long.* Dafnis i Hloya // Antichnyj roman. M., 2001.
7. *Nonn Panopolitanskij.* Deyaniya Dionisa. SPb., 1997.
8. *Publij Ovidij Nazon.* Metamorfozy. M., 1977.
9. *Feokrit. Moskh. Bion.* Idillii i epigrammy. M., 1958.
10. *Chulkov O. A.* «Zhivye zerkala». Mifologiya i metafizika otrazhennogo obraza // Al'manah «AKADHMEIA». Materialy i issledovaniya po istorii platonizma. Vypusk 3. SPb., 2000.
11. *Jakob Sil'v. (Golosovker J.)* Pan i Eho. URL: http://oloosson.com/yy/silvus.htm#_Toc48291939 (data obrashhenija: 18.01.2015).
12. *Borgeaud Ph.* The cult of Pan in Ancient Greece, transl. by Kathleen Atlass and James Redfield. Chicago; London, 1988.
13. *Crowley A.* Hymn to Pan. URL: <http://allpoetry.com/poem/8517391-Hymn-to-Pan-by-Aleister--Crowley> (data obrashhenija: 20.01.2015).
14. *Eliade M.* Myths, Dreams and Mysteries. New York, 1960.
15. *Heyd M.* Dali's Metamorphosis of Narcissus Reconcidered // Artibus et Historiae. 1984. Vol. 5. P. 121–131. No. 10. DOI: 10.2307/1483197.
16. New light on the Narcissus myth: P.Oxy. LXIX 4711. URL: <http://www.papyrology.ox.ac.uk/POxy/papyri/4711.html> (data obrashhenija: 15.01.2015).